

К 86

Р 30205.

В. А. ЖУКОВСКИЙ

КУБОК

РОЛАНД-ОРУЖЕНОСЕЦ

ДЕТГИЗ

БИБЛИОТЕЧКА ШКОЛЬНИКА

В. А. ЖУКОВСКИЙ

КУБОК

РОЛАНД ОРУЖЕНОСЕЦ

*Наркомпрос РСФСР
Государственное Издательство Детской Литературы
Москва 1941 Ленинград*

КУБОК

(Баллада, из Шиллера)

«Кто, рыцарь ли знатный иль латник простой,
В ту бездну прыгнет с вышины?
Бросаю мой кубок туда золотой:
Кто сыщет во тьме глубины
Мой кубок и с ним возвратится безвредно,
Тому он и будет наградой победной».

Так царь возгласил и с высокой скалы,
Висевшей над бездной морской,
В пучину бездонной, зияющей мглы
Он бросил свой кубок златой.

«Кто, смелый, на подвиг опасный решится?
Кто сыщет мой кубок и с ним возвратится?»

Но рыцарь и латник недвижно стоят:

Молчанье — на вызов ответ;

В молчаньи на грозное море глядят;

За кубком отважного нет.

И в третий раз царь возгласил громогласно:

«Отыщется ль смелый на подвиг опасной?»

И все безответны... вдруг паж молодой

Смиренно и дерзко вперед;

Он снял епанчу, и снял пояс он свой;

Их молча на землю кладет...

И дамы и рыцари мыслят, безгласны:

«Ах! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?»

И он подступает к наклону скалы,

И взор устремил в глубину...

Из чрева пучины бежали валы,

Шумя и гремя, в вышину;

И волны спиральсь, и пена кипела:

Как будто гроза, наступая, ревела.

И воеет, и свищет, и бьет, и шипит,
 Как влага, мешаясь с огнем,
Волна за волною; и к небу летит
 Дымящимся пена столбом;
Пучина бунтует, пучина клокочет...
Не море ль из моря извергнуться хочет?

И вдруг, успокоясь, волнение легло;
 И грозно из пены седой
Разинулось черною щелью жерло;
 И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощенного чрева;
И глубь застонала от грома и рева.

И он, упредя разъяренный прилив,
 Спасителя-бога призвал,
И дрогнули зрители, все возопив —
 Уж юноша в бездне пропал.
И бездна таинственно зев свой закрыла:
Его не спасет никакая уж сила.

Над бездной утихло... в ней глухо шумит..
 И каждый, очей отвести
Не смея от бездны, печально твердит:

«Красавец отважный, прости!»
Всё тише и тише на дне ее воет...
И сердце у всех ожиданием ноет.

«Хоть брось ты туда свой венец золотой,
Сказав: кто венец возвратит,
Тот с ним и престол мой разделит
со мной!

Меня твой престол не прельстит.
Того, что скрывает та бездна немая,
Ничья здесь душа не расскажет живая.

Не мало судов, закруженных волной,
Глотала ее глубина:
Все мелкой назад вылетали щепой
С ее неприступного дна...»
Но слышится снова в пучине глубокой
Как будто роптанье грозы недалекой.

И воет, и свищет, и бьет, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнем,
Волна за волною; и к небу летит
Дымящимся пена столбом...
И брызнул поток с оглушительным ревом,
Извергнутый бездны зияющим зевом.

Вдруг... что-то сквозь пену седой глубины
Мелькнуло живой белизной...

Мелькнула рука и плечо из волны...

И борется, спорит с волной...

И видят — весь берег потрясся от клича —
Он левою правит, а в правой добыча.

И долго дышал он, и тяжело дышал,

И божий приветствовал свет...

И каждый, с весельем, «он жив!» повторял,

«Чудеснее подвига нет!

Из темного гроба, из пропасти влажной,

Спас душу живую красавец отважной».

Он на берег вышел; он встречен толпой;

К царевым ногам он упал;

И кубок у ног положил золотой;

И дочери царь приказал:

Дать юноше кубок с струей винограда;

И в сладость была для него та награда.

«Да здравствует царь! Кто живет на земле,

Тот жизнью земной веселись!

Но страшно в подземной таинственной мгле...

И смертный пред богом смирись:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, им мудро от нас сокровенной.

«Стрелою стремглав полетел я туда...

И вдруг мне навстречу поток;
Из трещины камня лилася вода;

И вихорь ужасный повлек
Меня в глубину с непонятною силой...
И страшно меня там кружило и било.

«Но богу молитву тогда я принес,

И он мне спасителем был:
Торчащий из мглы я увидел утес

И крепко его обхватил;
Висел там и кубок на ветви коралла:
В бездонное влага его не умчала.

«И смутно всё было внизу подо мной

В пурпуровом сумраке там;
Все спало для слуха в той бездне глухой;

Но виделось страшно очам,
Как двигались в ней безобразные груды,
Морской глубины несказанные чуды.

«Я видел, как в черной пучине кипят,
В громадный свиваяся клуб:
И млат водяной, и уродливый скат,
И ужас морей однозуб;
И смертью грозил мне, зубами сверкая,
Мокой ненасытный, гиена морская.

«И был я один с неизбежной судьбой,
От взора людей далеко;
Один меж чудовищ, с любящей душой,
Во чреве земли, глубоко
Под звуком живым человеческого слова,
Меж страшных жильцов подземелья немова.

«И я содрогался... вдруг слышу: ползет
Стоногое грозно из мглы,
И хочет схватить, и разинулся рот...
Я в ужасе прочь от скалы!..
То было спасеньем: я схвачен приливом
И выброшен, вверх водомета порывом».

Чудесен рассказ показался царю:
«Мой кубок возьми золотой;
Но с ним я и перстень тебе подарю,

В котором алмаз дорогой,
Когда ты на подвиг отважишься снова
И тайны все дна перескажешь морскова».

То слыша, царица с волнением в груди,
Краснея, царю говорит:
«Довольно, родитель, его пощади!
Подобное кто совершит?
И если уж должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа младова».

Но царь, не внимая, свой кубок златой
В пучину швырнул с высоты:
«И будешь здесь рыцарь любимейший мой,
Когда с ним воротишься ты;
И дочь моя, ныне твоя предо мною
Заступница, будет твоею женою».

В нем жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула в очах;
Он видит: краснеет, бледнеет она;
Он видит: в ней жалость и страх.
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель он кинулся в волны...

Утихнула бездна... и снова шумит...

И пеною снова полна...

И с трепетом в бездну царевна глядит...

И бьет за волною волна...

Приходит, уходит волна быстротечно:

А юноши нет и не будет уж вечно.

10 марта 1831.

РОЛАНД ОРУЖЕНОСЕЦ

(Баллада, из Уланда)

Раз Карл Великий пировал;
Чертог богато был украшен;
Кругом ходил золотой бокал;
Огромный стол трещал от бращен;
Гремел певцов избранных хор;
Шумел веселый разговор,
И гости вдоволь пили, ели,
И лица их от вин горели.

Великий Карл сказал гостям:
«Свершить нам должно подвиг трудный,
Прилично ль веселиться нам,
Когда еще Аргусов чудный
Не завоеван талисман?
Его укравший великан
Живет в Арденском лесе тёмном;
Он на щите его огромном».

Отважный Оливьер, Гварин,
Силач Гемон, Наим Баварский,
Агландский граф Милон, Мерлин,
Такой услыша вызов царский,
Из-за стола тотчас встают,
Мечи тяжелые берут;
Сверкают их стальные брони;
Их боевые пляшут кони.

Тут сын Милонов молодой,
Роланд сказал: «возьми, родитель,
Меня с собой; я буду твой
Оруженосец и служитель.
Ваш подвиг не по лётам мне;
Но ты позволь, чтоб на коне

Я вез, простым твоим слугою,
Копье и щит твой за тобою».

В Арденский лес одним путем
Шесть бодрых витязей пустились,
В средину въехали, потом
Друг с другом братски разлучились.
Младой Роланд с копьем, щитом,
Смиренно едет за отцом;
Едва от радости он дышит;
Бодрит коня; конь ржет и пышет.

И рыщут по лесу они
Три целых дня, три целых ночи;
Устали сами; их кони
Совсем уж выбились из мочи;
А великана все им нет.
Вот на четвертый день в обед,
Под дубом сенисто-широким
Милон забылся сном глубоким.

Роланд не спит. Вдруг видит он:
В лесной дали, сквозь сумрак сеней,
Блеснуло; и со всех сторон

Вскочило множество оленей,
Живым испуганных лучом;
И там, как туча, со щитом,
Блистающим от талисмана,
Валит громада великана.

Роланд глядит на пришлеца,
И мыслит: что же ты за диво?
Будить мне для тебя отца
Не к месту было бы учтиво;
Здесь за него, пока он спит,
Его копьё и добрый щит,
И острый меч и конь задорный,
И сын Роланд, слуга проворный.

И вот он на бедро свое
Повесил меч отцов тяжелой;
Взял длинное его копьё,
И за плеча рукою смелой
Его закинул крепкий щит;
И вот он на коне сидит;
И потихоньку удалился —
Дабы отец не пробудился.

Его увидя, сморщил нос
С презреньем великан спесивый.
«Откуда ты, молокосос?
Не по тебе твой конь ретивый;
Смотри, тебя длинней твой меч;
Твой щит с твоих ребячьих плеч,
Тебя переломив, свалится;
Твое копые лишь мне годится».

— Дерзка твоя, как слышу, речь;
Посмотрим, таково ли дело?
Тяжел мой щит для детских плеч —
Зато за ним стою я смело;
Пусть неуч я — мой конь учен;
Пускай я слаб — мой меч силен;
Отведай нас; уж мы друг другу
Окажем в честь тебе услугу.

Дубину великан взмахнул,
Чтоб вдребезги разбить нахала;
Но конь Роландов отпрыгнул;
Дубина мимо просвистала.
Роланд пустил в него копьем;
Оно осталось с острием,

Погнутым силой талисмана,
В щите пронзенном великана.

Роланд отцовский меч большой
Схватил обеими руками;
Спешит схватить противник свой;
Но крепко стиснут он ножами;
Еще меча он не извлек,
Как руку левую отсек
Ему наш витязь; кровь струею;
Прочь отлетел и щит с рукою.

Завыл от боли великан,
Кипучей кровию облитый;
Утратив чудный талисман,
Он вдруг остался без защиты;
Вслед за щитом он побежал;
Но по ногам вдогонку дал
Ему Роланд удар проворной:
Он покатился глыбой черной.

Роланд, подняв отцовский меч,
Одним ударом исполину
Отрушил голову от плеч.

Свистя кровь хлынула в долину.
Щит великанов взяв потом,
Он талисман, блиставший в нем
(Осьмое чудо красотою),
Искусной выломал рукою.

И в платье скрыл он взятый клад;
Потом струей ручья леснова
С лица и с рук, с коня и с лат
Смыл кровь и прах, и севши снова
На доброго коня, шажком
Отправился своим путем
В то место, где отец остался;
Отец еще не просыпался.

С ним рядом лег Роланд и в сон
Глубокий скоро погрузился,
И спал, покуда сам Милон
Под сумерки не пробудился.
«Скорей, мой сын Роланд, вставай;
Подай мой шлем, мой меч подай;
Уж вечер; всюду мгла тумана;
Опять не встретим великана».

Вот ездит он в лесу густом
И великана ищет снова;
Роланд за ним с копьем, щитом —
Но о случившемся ни слова.
И вот они в долине той,
Где жаркий совершился бой;
Там виден был поток кровавый;
В крови валялся труп безглавый.

Роланд глядит; своим глазам
Не верит он: что за причина?
Одно лишь туловище там;
Но где же голова, дубина?
Где панцырь, меч, рука и щит?
Один ободранный лежит
Обрубок мертвеца нагого;
Следов не видно остального.

Труп осмотрев, Милон сказал:
«Что за уродливая груда!
Еще ни разу не видал
На свете я такого чуда:
Чей это труп?.. Вопрос смешной!
Да это великан; другой

Успел дать хищнику управу;
Я проспал честь мою и славу».

Великий Карл глядел в окно
И думал: «страшно мне по чести;
Где рыцари мои? Давно
Пора б от них иметь нам вести.
Но что?.. Не герцог ли Гемон
Там едет? Так, и держит он
Свое копьё перед собою
С отрубленною головою».

Гемон с нахмуренным лицом,
Приблизась, голову немую
Стряхнул с копья перед крыльцом,
И Карлу так сказал: «плохую
Добычу я завоевал;
Я этот клад в лесу достал,
Где трое суток я скитался:
Мне враг без головы попался».

Приехал за Гемоном вслед
Тюрпин усталый, бледный, тощий.
«Со мною талисмана нет,

Но вот вам дорогие мощи».
Добычу снял Тюрпин с седла:
То великанова была
Рука, обвитая тряпицей,
С его огромной рукавицей.

Сердит и сумрачен, Наим
Приехал по следам Тюрпина,
И великанова за ним
Висела на седле дубина.
«Кому достался талисман,
Не знаю я; но великан
Меня оставил в час кончины
Наследником своей дубины».

Шел рыцарь Оливьер пешком,
Задумчивый и утомленный;
Конь, великановым мечом
И панцырем обремененный,
Едва копыта подымал.
«Все это с мертвеца я снял;
Мне от победы мало чести;
О талисмане ж нет и вести».

Temp. An. 1852

Вдали является Гварин
С щитом огромным великана,
И все кричат: вот паладин,
Завоеватель талисмана!
Гварин, подъехав, говорит:
«В лесу нашел я этот щит;
Но обманулся я в надежде:
Был талисман украден прежде».

Вот наконец и граф Милон
Печален, во вражде с собою,
К дворцу тихонько едет он
С потупленною головою.
Роланд смиренно за отцом
С его копьем, с его щитом,
И светятся, как звезды ночи,
Под шлемом удалые очи.

И вот они уж у крыльца,
На коем Карл и паладины
Их ждут; тогда на щит отца
Роланд, сорвав с его середины
Златую бляху, утвердил
Свой талисман и щит открыл...

И луч блеснул с него чудесный,
Как с черной тучи день небесный.

И грянуло со всех сторон
Шумящее рукоплесканье;
И Карл сказал: «ты, граф Милон,
Исполнил наше упованье:
Ты возвратил нам талисман;
Тобой наказан великан;
За славный подвиг в награжденье,
Прими от нас благоволенье».

Милон, слова услыша те,
Глаза на сына обращает...
И что же? Перед ним в щите,
Как солнце, талисман сияет.
«Где это взял ты, молодец?»
Роланд в ответ: «прости, отец;
Тебя будить я побоялся
И с великаном сам подрался».

*Верне. На берегу Женевского озера.
31 октября 1632.*

СОДЕРЖАНИЕ

Кубок. (Рисунки Л. Зусмана)	3
Роланд оруженосец. (Рисунки П. Алякринского.)	14